

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

В МИРЕ ПОДЪЯРЕМНОМ

НА КАНОНЕ ПОКАЯННОМ

На каноне покаянном
как нам страшно, окаянным,
искажившимся в лице!
Свечка каплями печётся.
Обо всех Господь печётся.
И о мне, о подлеце.

Крест кедровый. Треск искристый.
Что Андрей ни молвит Критский, —
это точно про меня.
Я во всех грехах виновен —
празднословный гордый овен,
саблезубое ягня.

Закавыка: как ни просишь,
в жертву не себя приносишь.
Раззудись, душа, виной,
жги колени *студной** мукой;
перед судною разлукой —
нощный мраз и дневный зной.

---

* Курсивом выделены обороты из Великого покаянного Канона преподобного Андрея Критского.

МИНАКОВ Станислав Александрович родился в 1959 году в Харькове. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Автор книг стихов и прозы, энциклопедий и альбомов. В 1983-м окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Плачешь? Плачешь. Ах ты, зая!
Покаянье лобызая,
отрезвляясь ото сна.
Марфа с Марьей на иконе.
И оне со мною ноне.
Накануне. На каноне.
И обновка не тесна.

ХАРЬКОВСКИЙ ДИПТИХ

1. Ул. Красноармейская, 8/10

Памяти отца

Как мяса клочья падают с ноги...
Б. Чичибабин

Сырой и сырый город. Сорок первый.
На серой разбомблённой мостовой —
подушек окровавленные перья
и сам не свой пацан, уже живой.
Он — харьковский, он здешний, вековечный,
он раненую ногу волочит,
в двенадцать лет — ещё недоувечный,
почти незряч, почти многоочит.

На площади разбитой привокзальной
не с той ноги он встал. И не с руки
ему сносить небес огонь кинжальный.
Но висают свастик пауки
на нитях зла, нацеленные злобой
туда, туда, где в жалящем дожде
зияют искорёженной утробой
вокзал и Управление ЮЖД.

Всё помнится, как в книге арамейской.
Ослепнув, он за всех отдаст долги.
Грядет мальчонка по Красноармейской,
и клочья мяса падают с ноги.

2. В Храме иконы Богородицы Озерянской на Холодной горе

Раисе Гуриной (Беляевой)

В озере иконы Озерянской
городской водою и селянской
кто омыт, кто просит-припадает,
тот живой живёт, не пропадает.

Чтоб душа молилась, а не злилась,
слёзкой Богородичной целилась,
чтобы шла горé тропюю торной
за иконой нашей чудотворной.

...В Озерянском храме, Озерянском,
на ветру вселенском, слобожанском
я замру — не брением напрасным,
а кровинкой под покровом красным.

Озарённый памятью голодной,
отогреюсь на горе Холодной
думою сыновней, да недетской:
со свечою здесь стоял отец мой —

коммунист и пионервожатый,
пальцами времён в кулак зажатый,
счастлив бывый в мире подъяремном
на холме базарном и тюремном.

В Озерянском храме, Озерянском
помолюсь о деле многообразном.
Неотложном. Вечном... Александра
помяну, Ульяну, Афанасья,
не избегших грозного ненастья
сущих во гробех без палисандра
в поле, где ни конных нет, ни пеших,
помяну их, набожных и грешных,
Анну и Косьму, Петра, Трофима,
всех, чья тень почти неуловима...
Хаживал в сей храм и дед мой Тихон,
был не раз он “с того света спихан”,
говорил: “Не то ещё бывает!” —
а теперь на нём и пребывает.
...Анну, Михаила, Моисея,
Алексия... Помню нынче все я
имена... Евгенью-хромоножку...
Господи, подай им понемножку,
упокой их всех в Своих селеньях...
Для того предстану на коленях
из любви, смиренья, вне безсилья...
Фёдора, Таисию, Василья,
Серафиму, Нину и Анисью...
Все за мной придут небесной высью...

КРЫЖОВНИК

Алексю Ивантеру

Думал: что меня сразит и проймёт?
Вот, крыжовник не родит третий год.
Я его оберегал от невзгод —
подминал ему куриный помёт.

А размыслить: в чём, по сути, плоды?
Куст хорош и без плодов, сам собой!
Он подвижен, он на все на лады
распевает говорливой листвою.

Ты, Господь, его уж не ничтожь,
за смоковницей в расход не пускай!
Нету ягод у него, ну и что ж!
А пускай себе растёт, а пускай!

Не хочу я корчевать и рубить —
не желаю побивать или злеть.
Я, быть может, не умею любить,
но умею поливать и жалеть.